

УДК 821.162.1–343

Хубицка И.Я.,
кандидат филологических наук,
Гуманитарно-естественный университет Яна Кохановского
(Кельце, Польша)

ГОРОДСКИЕ ТОПОСЫ В СКАЗКАХ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Людмила Петрушевская прославилась среди читательской аудитории как автор знаменитых, хорошо узнаваемых по специфике стиля, подбора героя и проблематики суровых рассказов и повестей “другой прозы” и одновременно как умелый сказочник – автор сказок для детей и взрослых. Жанр сказки дал писательнице возможность раскрыть перед читателем мастерство шутливое, остроумное, прежде всего, метафорического взгляда на современное общество как в целом, так и отдельных людей, их жизненную суету. В сказках автор выражает свои взгляды на мир, искусство, общественные отношения; именно в сказках проявляются в полной мере особенности художественного почерка Л. Петрушевской.

Алла Боссарт, хорошая знакомая Л. Петрушевской, в интересной, но довольно субъективной статье, опубликованной в “Новой газете”, восхищается талантом любимой писательницы. Она сравнивает её творческое мастерство с произведениями Ганса Христиана Андерсена, подчёркивая при этом факт, что знаменитый датчанин, хотя и писал пьесы, поэмы, романы и другие произведения, но прославился только своими сказками. По мнению Боссарт, Андерсен был гениальным сказочником, но графоманом по другим текстам. В итоге мы читаем, что: “литераторов, которым подвластны все жанры, можно сказать, и не бывает. Один на десять тысяч. Или на сто. И этот один проживает в нашей стране и в наше время <...>. Его зовут Людмила Петрушевская” [1]. С не меньшим восхищением отзывается о Петрушевской Ольга Лебёдушкина, называя писательницу “главной сказочницей отечественной словесности” [2]. Такие слова – верная награда каждому писателю. Читатель в праве согласится с ними или нет, особенно во время, когда в русской словесности наблюдается процесс, остроумно названный, “сказочным бумом”. “Одно из устоявшихся мнений о причинах нынешнего “сказочного бума” – усталость литературы от ответственности за жизнь” – утверждает Лебёдушкина [3]. Александр Генис замечает: “Мы живем в эпоху, переплавившую магический реализм в обычную сказку, упразднившую критерий правдоподобного для детей любого возраста. <...> Выдавлив другие жанры в нон-фикшн, сказка захватила единоличную власть над словесностью” [4]. Наталья Иванова находит причину “бума” в эскапизме: “реальность пугает – человек прячется в сказку. Реальность необъяснима, тревожна, опасна (...) Человек с воображением преодолевает и выкарабкается; человек без воображения исчезнет в угрожающей реальности” [5]. Заметим, критики единогласны.

Сказочный талант Петрушевской очевиден и бесспорен. Его признают так читатели, как и профессиональные критики и литературоведы, замечая, что: “перу Л. Петрушевской подвластно всё – современная повесть, тонкая психологическая новелла и ... сказки, любимый жанр” [6].

Первые сказки Петрушевская написала ещё в середине 1960-х, когда родился её старший сын Кирилл. “Регулярно я стала записывать сказки после 1977 года, – вспоминает писательница, – когда второй сын, Федя, уже начал что-то понимать. Почти каждый вечер я рассказывала ему на ночь сказку. Когда появилась дочь Наташа, это стало просто их правом – на ночь новую сказку. Основное я не успела записать, было некогда” [2]. Первые публикации Петрушевской – это одноактные детские пьесы “Два окошка” (1975), “Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает!” (1978), “Сказка сказок” (1979), “Золотая богиня” (1986). По началу Петрушевскую печатали спорадически, небольшим тиражом, в толстых литературно-художественных журналах, например. “Сказки для всей семьи”, “Сказки для взрослых”, “Ну, мама, ну. Сказки рассказанные детям”, “Дикие животные сказки” [7]. В собрании сочинений в 5 томах (1996) автор комплектует прозу, драматургию и сказки в едином издании [8]. С того времени писательница приобрела чрезвычайную популярность на родине и за рубежом. Спрос на её произведения не уменьшался, писательница не только стала дописывать новые сказки и рассказы, но в сборниках под новыми заглавиями издавались и переиздавались написанные раньше тексты. За последнее время Людмила Петрушевская выпустила “Настоящие сказки” (2000), книгу волшебных историй “Город света” (2005), сборник “Измененное время” (2006), в котором не обошлось без мистического и чудесного, были переизданы одним томом “Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи бятые” (2006).

Сказка – по её собственному признанию — любимый жанр писательницы. В ноябре 2008 года, в Красноярске на встрече с поклонниками, она сказала: “Я пишу сказки всю жизнь. У меня больше 300 сказок” [2]. Они, похоже рассказам для взрослых, разнообразны и по размеру сюжета, и сложности тематики-проблематики. Они разнообразны также по разновидности жанра. Среди них есть тексты полностью соответствующие жанру сказки, волшебной сказки, как и тексты “пограничные”, наброски, штрихи, рассказы. Из них можно выделить настоящие, “дикие животные” и лингвистические сказки. В сказочных циклах читатель найдёт детские сказочки с милой, детской фабулой, как и тексты значительно более серьёзные, вызывающие у читателя глубокие чувства сожаления или досады. О. Лебедушкина пишет: “Петрушевская, – сказочница настоящая, у неё все есть, что положено по Проппу и без Проппа: вот вам бытовые сказки, вот волшебные, а вот – сказки о животных” [2].

Сказка – тот вид фольклорной прозы, встречающийся у различных народов и подразделяющийся, в свою очередь, на жанры, у которого до сих пор нет единой научной классификации, жанры или группы сказок исследователи выделяют по-разному. Э.В. Померанцева подразделяет их на сказки 1) о животных,

2) волшебные, 3) авантюрно-новеллистические и 4) бытовые, в то время как В.Я. Пропп делит сказки на 1) волшебные, 2) кумулятивные, 3) о животных, растениях, неживой природе и предметах, 4) бытовые или новеллистические, 5) небылицы, 6) докучные сказки [9].

Заметим, “настоящие сказки” Л. Петрушевской прочно базируются на богатом арсенале художественных средств народной волшебной сказки. Чудеса, магические предметы, злые колдуны и помощники, герои, которые получают по заслугам, – все эти приметы сказок в наличии. У всех сказок Петрушевской однако хороший конец – это закон.

Писательница собрала свои сказочные произведения в циклы приключений: “Приключения с волшебниками”, “Королевские приключения”, “Приключения Барби”, “Приключения людей”, “Дикие животные сказки”, “Морские помойные рассказы”, “Пуськи бятые” – они и послужили материалом для настоящего исследования. Формальные ограничения размера статьи не позволят учесть в ней значительной части волшебных и литературных сказок Петрушевской, так что исследования производились на значительно большем материале, чем это указано в, приведённых в ходу рассуждений, примерах.

Хотя интерес к творчеству Петрушевской до сих пор остается огромен и разнообразные аспекты художественного мастерства в повестях и рассказах Петрушевской, отдельные стороны их поэтики, а также особенности личности автора стали предметом ряда статей, научных работ и монографических изданий российских и зарубежных исследователей [10]. В оценке творчества Л. Петрушевской у авторов критических работ нет единства, об этом свидетельствует многообразие противоречивых отзывов, а сказки всё ещё остаются недостаточно освоенной частью её творчества. В связи с вышесказанным тема настоящей статьи остаётся актуальной.

Каждая литературная сказка представляет собой сплав традиционных (волшебно-сказочных) и собственно-авторских черт. Своеобразие этого жанра заключается в свободном использовании уже готовых фольклорных и создании новых литературных образов. Поэтику сказки определяет обязательная установка на вымысел. Бесспорным является факт, что лёгкость, с которой в сказке совершаются все действия, находится в непосредственной связи с волшебством сказки. Действия в сказке не только не встречают сопротивления среды, они еще облегчаются различными формами волшебства и волшебными предметами, например: ковром-самолетом, сапогами-самоходами, скатертью-самобранкой, или у Петрушевской: волшебными очками (“Волшебные очки”), чемоданом (“Чемодан чепухи”), часами (“Сказка о часах”), ручкой “Волшебная ручка”, нередко сами герои обладают сверхъестественными силами (“Принц с золотыми волосами”, “Анна и Мария”, “Маленькая волшебница”).

Категория пространства-времени – один из самых важных структуро- и жанрообразующих элементов сказочной поэтики. Пространство традиционной, волшебной сказки необычайно велико, безгранично, бесконечно, но одновременно,

тесно связано с действием и не имеет отношения к реальному пространству. Художественное пространство в сказке обычно неопределенно, без конкретного географического характера, топографические имена не приводятся. Оно открыто, обширно, "без конца и края". Сказочная формула "близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли" подтверждает, что пространство сказки не соотносится с реальным, тем в котором живёт сказочник и его слушатели. События сказки происходят вне географической приуроченности в рамках сказочной географии, неизвестно, где конкретно и когда. Благодаря таким особенностям художественного пространства, а также художественного времени условия для развития действия в сказке исключительно благоприятны. Можно сказать, что действие в сказке совершается легче, чем в каком-либо ином жанре фольклора, а "динамическая легкость сказки ведет к крайнему расширению её художественного пространства. Герой для совершения подвига едет за тридевять земель, в тридесятое государство. Он находит героиню "на краю света". <...> Каждый подвиг совершается на новом месте. Действие сказки – это путешествие героя по огромному миру сказки" [11].

Волшебное пространство сказок Л. Петрушевской в большинстве находится определённо в более реальном, узнаваемом, мире. Здесь и вымысел, и, одновременно, места, и названия реально существующие, хорошо знакомые сказочнице и слушателю. Королевства для волшебных сказочных действий и историй, прежде всего, составляют города, их улицы, небольшие квартиры в многоэтажных домах с их обычными интерьерами, или просто, находящаяся в них, мебель, как место пребывания сказочных героев (нр.: "Старая дружба": *На одной полке стояли радио и глобус...*). Приключения "неволебных" литературных сказок происходят нередко в больничной палате, на помойке, в комнатах – спальне, кухне, детской, в городском транспорте или просто на городской улице. Заметим, в сказках писательница остаётся верна любимым хронотопам из своей "взрослой" прозы. Отчетливо выделяются топосы: "город" (нр. Москва), "дом", "квартира", "больница" или "палата". Добавим, что топос "больницы" или "больничной палаты" характерен не только для Л. Петрушевской, но и для других современных русских писательниц, как Марина Палей, Татьяна Толстая, Виктория Токарева и др.

Появляются новые, несвойственные волшебной сказке топосы: коммунальная квартира, многоэтажный дом, больничная палата, школа, автобусная остановка, пивная, помойка, и др. Они привносят в сказку элемент действительности и являются первыми в ряду топосов, шагнувших в сказку из реальной жизни. Фантастический мир предметов, людей, животных, принцесс и принцев совершенно естественно вплавлен Петрушевской в настоящие времена, легко определяемые по современным реквизитам (нр.: компьютеры, интернет, сотовые телефоны, куколки Барби, телевидение, дискотеки, метро, трамваи, машины, и: "всё от компьютеров до телефонов" "Королева Лир"); новые топосы привносят в сказку элементы современного автору социально-общественного мира.

Географическое пространство сказок Л. Петрушевской состоит из реальных деталей. Иногда читатель может догадаться (хотя, конечно, не всегда), какой город

послужил фоном, так как сказочные события происходят в существующем географическом пространстве с деталями городской архитектуры и реальными топографическими названиями мест и улиц, например.: Арбат, Сокольники, метро “Чистые пруды”, метро “Баррикадная”, Фонтанка (“Приключения Барби”, “Город света”, “Жиробей и Божья Слоновка”).

А. Дырдин, автор учебника по русской современной литературе, справедливо подметил, что “сказочные события происходят в наше, “неочарованное” время. Персонажи сказок проживают не в тридесятом царстве, а где-то рядом, на одной улице, в одном доме с читателями. Петрушевская показывает нам родной подъезд, где спят бомжи, молодежь пьет водку и привязывает пустые бутылки к ручке двери. Быт бедных, маленьких людей показан натурально” [12]. В сказочный текст проникает реалистическая и психологическая мотивация. Казалось бы, раз действие разворачивается на реальном, современном пространстве, чуда ждать неоткуда, но на то они и сказки, чтобы чудеса происходили. Петрушевская обильно одаряет сюжеты волшебством.

Москва – город, в котором писательница прожила жизнь и художественное пространство для почти всех её рассказов и повестей. Любимый город писательницы естественно послужил фоном для фантастических событий не одной сказки. Примером послужит цикл сказок “Приключения Барби” (“Маленькая волшебница”) [13]. Сказки объединяет главная героиня – кукла Барби. Она попадает в квартиру бывшего столяра и мебельщика, старика Ивана в ящике, принесённом им с помойки. Действие цикла происходит в квартире деда Ивана в Москве и эпизодически в недалёком посёлке Восточный. Петрушевская не сразу раскрывает точные топографические названия. Главные события происходят дома у Ивана. Куклолка большинство времени проводит на подоконнике, смотрит на улицу и тут даются первые информации о городе: *“В окно ей была видна жизнь города, мимо бегали прохожие, собаки и кошки, пролетали птицы, проходили облака”* [13, 5].

Маленькая волшебница, Барби Маша заботится о дедушке Иване. Она помогает старику выйти из нищеты, вернуть зрение, при чём все свои волшебства совершает втайне перед стариком. По ходу действия в тексте находим обилие городских топосов. Главные герои перемещаются на городском транспорте, по улицам ездят машины, речь идёт о подземном переходе, где дед просит милостыню, старик собирает никому не нужные вещи на помойке, продаёт их на городском рынке, благодаря ходатайству Барби Маши восстанавливает зрение в частной больнице, едет на автобусе в посёлок Восточный за деревом, из которого вырезает шкатулки, которые продаёт опять же на базаре. Город остаётся анонимным пока в ход событий не вступает антагонист – Валька Барби, волшебница Валькирия. Список, запланированных ею, злодеяний содержит реальные топографические названия:

“У нее было припасено множество пакостей для человечества.

Она планировала:

устроить на Чистых прудах два наводнения за один день (только всю грязь и помятые трамваи уберут трах, опять);

произвести землетрясение в московских районах Подушкино, Северное Бутово и Южное Бутово (она слышала эти названия по телевизору, будучи еще в Гималаях, и полюбила их странной любовью);

затем ей хотелось вызвать эпидемию свинки в Государственной Думе, чтобы у всех депутатов щеки было со спины видать, а голоса были бы неразборчивые из-за слюны;

потом она планировала насыпать в городской водопровод волшебный порошок и таким путем свести с ума всех пьющих сырую воду из-под крана: они тут же должны были кинуться вон из дома и начать продавать друг другу свои вещи, стоя коридором вдоль всех главных улиц и вокруг вокзалов” [13, 20].

Город теряет свою анонимность, узнаём, что магические действия происходят в Москве. Топосу города Петрушевская противопоставила топос леса в посёлке Восточный. В народных сказках в образе леса концентрируется метафора трудностей жизни, это место испытаний. Когда герои попадают в лес, через него им трудно пройти, приходится преодолевать препятствия. Петрушевская тоже обращается к этому символу. В “Маленькой волшебнице” находится глава “Тёмный лес” (в цикле сказок “Приключения Барби” – сказка под заглавием “Барби-волшебница и лес”). Озорная писательница перерабатывает однако этот топос-символ на свой стиль, и тёмный лес “в который навострился ездить дед, был объявлен заповедником, но это никому не мешало там гулять, дрессировать собак, бросать пустые бутылки и консервные банки, а также стрелять из рогаток по воротам, так что это был совершенно пустяковый лесок” [13, 10].

Дед Иван попадает в лес добровольно, на автобусе в поисках хорошего дерева для шкатулок. Он избежал невзгод одинокой ночи в лесу благодаря своей тайной помощнице, Барби. Но лес оказался местом испытания, “преступления и наказания” и позднейшей моральной перемены других, второстепенных героев, пьяницы Шашки и её сына Чумы.

Тоже в Москве происходит действие сказки “Город света” [14]. Уже само заглавие включает в себе топос города, однако не Москве приписано это название. Обратим внимание, в произведении читатель находит мотив двоемирия, который играет знаменательную роль и в других текстах Петрушевской, в частности, сборниках для взрослых “В садах других возможностей” и “Песни восточных славян”. Другой мир в этой сказке, в отличие от рассказов о другой реальности, явно не загробный, но фантастический. Один мир – это “здесь”, в Москве, где “бабушки около метро торгуют сигаретами, букетами... А дедушки ни фига ничем не торгуют! <...> Лежат в кустах и бутылки собирают!”, где живёт Кузя с бабушкой и родителями, другой, “тот мир” – это город Света на другой планете, где обитают добрые феи и планета колдунов Черная Грязь со злым колдуном Топором и его матерью. Причём обитатели “того” мира злым, колдовским

образом планируют перенять Землю, как мир более благоприятный для колдунов, чем их опустошенная Чёрная грязь.

“А у них на Черной Грязи всегда было пасмурно, холодно и мокро, даже жидко, всюду булькали лужи нефти, которой эти несчастные питались, а в атмосфере воняло керосином, тухлыми яйцами и забродившей подвальной картошкой, такие страшные были климатические условия”.

Мотив двоемирия господствует тоже в сборнике сказок и рассказов “Два царства”. В него вошли сказки: “Матушка капуста”, “Отец”, “Анна и Мария”, “Нина Комарова”, “Котенок господа бога”, “За стеной”, “Завещание старого монаха”, “Маленькое и еще меньше”, “Сказка зеркал”, “Спасенный”. Сказки из цикла “Два царства” содержат два хронологических уровня – земной и потусторонний. Обратим внимание, что такие топосы как: “другой город” и “загробный мир” играют знаменательную роль в осуществлении творческого замысла Петрушевской. Героям Петрушевской приходится переступать границу между этими двумя мирами и, если возможно, вернуться обратно.

Большое значение при определении хронотопа сказок имеют инициальные формулы. Петрушевская придерживается традиции формулы “жил был...”, “в одном...”, “однажды...”, и так называемый, сказочный зачин без излишеств и конкретно вводит читателя в места пребывания героев. Уже в начале сказки появляются такие городские топосы, как:

– больница: *“Один человек лежал в больнице, он уже выздоравливал, но чувствовал себя ещё плоховато, особенно по ночам”.* “За стеной”;

– квартира: *“В одной квартире жили две сестры, они жили очень бедно. На обед варили картофель, на завтрак съедали по куску хлеба и выпивали стакан кипятка”.* “Две сестры”;

– город, улица: *“В одном городе жила очень красивая девушка по имени Нина”.* “Девушка-Нос”. *“На городских прудах жил-был пожилой Гадкий Утенок”.* “Дуська и Гадкий Утенок”.

“Жил-был художник, но он был такой бедный, что не мог купить себе ни карандаша, ни бумаги, а про краски и кисти нечего и говорить. Он, конечно, пытался рисовать кирпичом на асфальте, но дворники и милиционеры не любили таких художеств и звали друг друга на помощь”. “История живописца”.

“В одной семье родились девочки-близнецы, и все решили, что они похожи как две капли воды, только соседка-колдунья сказала, что не будет более разных сестер и одна вырастет злой как крапива, а другая доброй как малина (...) Так выступила соседка-колдунья и тут же переехала в другой город”. “Крапива и Малина”.

“Жил-был один человек, и все над ним смеялись. Идет он по улице, а на него показывают пальцами и хохочут. Войдет в магазин – продавщицы от смеха путают гири, а кассиры слабеют”. “Человек”.

“Заяц шел по улице, и все кричали: – Ах, какой хвостик! ...”. “Заячий хвостик”.

“Шла курица по улице...” “Все непонятливые”

– городской транспорт: *“Один человек возвращался домой в автобусе и так засиделся, что не заметил, как над ним нависла какая-то старушка”. “Осел и козел”.*

“Одна очень толстая девушка не умещалась в такси, а в метро занимала собой всю ширину эскалатора”. “Секрет Марилены”;

– театр, магазин, кино: *“Одна добрая волшебница решила поселиться в театре, и не потому, что ей хотелось устраивать там чудеса, а просто потому, что ей надоело каждый вечер выколдовывать себе билет в театр”. “Белые чайники”.*

“Один человек вдруг начал благоухать, как роза. И с этим ничего нельзя было поделаться. Он входил в магазин – и все мигом останавливались и начинали нюхать воздух”. “Роза”.

“Однажды в магазин явилась мамаша с ребенком купить ему ручку”. “Волшебная ручка”.

“Один молодой человек – большой неудачник и к тому же по имени Гусь – опоздал на последний сеанс в кино”. “Гусь”.

“Жила-была одна бедная женщина. Муж у нее давно умер, и она еле-еле сводила концы с концами. А дочка у нее росла красивая и умная и все вокруг себя замечала: кто во что одет да кто что носит. Вот приходит дочка из школы домой и давай наряжаться в материны наряды...”. “Сказка о часах”.

Перечитывая сказки Л. Петрушевской, легко заметить, что их значительному большинству чужды сложные композиционные решения, но в них есть всё, что должно быть в сказке – герой-дурачок, невиданные фантастические испытания и неременный хэппи-энд. Эти истории бывают лёгкими, весёлыми, абсурдными или грустными, когда сквозь метафору пробиваются реалии жизни, но в них всегда найдется место чуду, творимому верой в лучшее. Сказочное пространство обычно детально не описывается; иногда место действия вовсе не сигнализируется. Петрушевская пользуется традиционными (лес, дом, деревня) и нетрадиционными (город, квартира, планета) топосами. Названные топосы лишь указывают на место действия, поэтому рассказчик, чаще всего, вообще не задерживается на их старательном изображении.

Большинство сюжетов в сказках Петрушевской базируется на событиях возможных только в современном мире. Реалистическую сторону событий составляют ситуации из повседневной жизни. Герои окружены атрибутами цивилизации XX-го и XXI-го веков. Это будут: бытовые приборы и предметы домашнего обихода (телевизор, стиральная машина, утюг, радио, пылесос), городской транспорт (автобусы, такси, трамваи, метро), телевидение, театр, фильмы, кино, компьютеры, сотовые телефоны и другие. Читатель легко угадывает, что принцессы, принцы, королевы, короли, колдуны, волшебники и целые королевства исполняют функцию метафоры, под которой кроются дети и подростки, их родители, бабушки с дедушками и их обычные квартиры. Вот и подтверждение:

“Принц Генрих этот был восьмиклассником в соседнем королевстве, и принцесса его ненавидела после одной драки”. “Сны девочки”.

“[Королева] Лир выкатилась на улицу, розовая, чистенькая, лысая, с зеленой щетиной повыше лба.

Парикмахер, увидев дело рук своих, окаменел и даже забыл про деньги, велосипедист на улице тут же, засмотревшись, налетел на столб, таксисты загудели, школьники приветственно засвистели, старушки-прохожие преувеличенно зааплодировали, такой был эффект.

Лир тут же села на первый попавшийся мотоцикл, это был гоночный “харви” красного цвета, и уехала вон”. “Королева Лир”.

Истории, рассказанные Людмилой Петрушевской, идеально подходят под определение городской современной сказки. Не ошибаясь, можно сказать – вневременной, поскольку несмотря на вполне узнаваемый современный антураж, они легко могли бы произойти в любом месте и в любое время, а героями историй мог бы стать любой. Поэтому городские сказки Петрушевской читаются с интересом, на одном дыхании и остаются в памяти.

Литература

1. Боссарт А. Петрушевская. Сказки с хорошим концом [Электронный ресурс] / А. Боссарт // Новая газета. – 27.04.2007. – № 15 (25). – Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color15/09.html>.
2. Лебёдушкина О. Шехерезада жива, пока... О новых сказочниках и сказках [Электронный ресурс] / О. Лебёдушкина // Дружба Народов. – 2007. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2007/3/le12.html>.
3. О. Лебёдушкина добавляет: "Достаточно пройтись вдоль полок современной литературы в любом крупном книжном магазине <...> : “Настоящие сказки”, “Дикие животные сказки”, “Московские сказки”, “Пьяные сказки”, “Русские инородные сказки” в четырех выпусках” [2]. От себя заметим, что первый номер журнала “Иностранная литература” под общим названием “Взрослая жизнь сказки” целиком посвящается этому жанру. – “ИЛ”. – 2006. – № 1.
4. Генис А. Чудеса в решетке. “Гарри Поттер” для взрослых [Электронный ресурс] / А. Генис // Иностранная литература. – 2006. – № 1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/1/ge10.html>.
5. Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 2006. – № 11. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/iv1.html>.
6. См.: http://www.lib.syzran.ru/book_week/book_week_Petrushevskay.htm.
7. Сказки для всей семьи // Октябрь. – 1993. – № 1 ; Сказки для взрослых // Юность. – 1990. – № 1 ; Ну, мама, ну : сказки, рассказанные детям // Новый мир. – 1993. – № 8 ; Дикие животные сказки // Столица, 1993–1994.
8. Петрушевская Л. Собрание сочинений : в 5 т. / Л. Петрушевская. – Харьков ; Москва, 1996. – Т. 4–5.
9. Померанцева Э. Судьбы русской сказки / Э. Померанцева. – Москва, 1965 ; Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп. – Ленинград, 1928 ; Москва, 1969.
10. Waszkielewicz H. Чернушная и прекрасная. Twórczość Ludmiły Pietruszewskiej : монография / H. Waszkielewicz. – Kraków, 2007 ; Hubicka I. Proza Ludmiły Pietruszewskiej lat 1985–1995. Z zagadnień poetyki : монография / I. Hubicka. – Kielce, 2003 ; Мильман Н. Читай

- Петрушевскую : взгляд из-за океана : монография / Н. Мильман. – Санкт-Петербург, 1997 ; Желобцова С. Проза Людмилы Петрушевской : монография / С. Желобцова. – Якуцк, 1996 ; Бавин С. Обыкновенные истории (Л. Петрушевская) : монография / С. Бавин – Москва, 1995.
11. Липовецкий М. Трагедия и мало ли что ещё / М. Липовецкий // Новый мир. – 1994. – № 10. – С. 229–231 ; Куралех А. Быт и бытие в прозе Л. Петрушевской / А. Куралех // Литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 63–67 ; Панн Л. Вместо интервью, или опыт чтения прозы Л. Петрушевской. Вдали от литературной жизни метрополии / Л. Панн // Звезда. – 1994. – № 5. – С. 197 ; Демин Г. Пророческий лейбл, или Исчезновение Петрушевской / Г. Демин // Современная драматургия. – 1994. – № 1. – С. 178 ; Морозова Т. Скелеты из соседнего подъезда: Почему Л. Петрушевская так не любит своих героев / Т. Морозова // Литературная газета. – 1998. – № 36. – С. 10 ; Woll J. The Minotaur in the Maize : Remarks on Lyudmila Petrushevskaya / J. Woll // World Literature Today. – 1993. – Vol. 67. – № 1 ; Kolesnikoff N. The Generic Structure of Ljudmila Petrushevskaya's "Pesni Vostochnych Slavjan" / N. Kolesnikoff // Slavic and East European Journal. – 1993. – Vol. 37. – Nr 2.
 12. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения [Электронный ресурс] / Д. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87. – Режим доступа : http://www.psujournal.narod.ru/lib/lih_inworld.htm.
 13. Дырдин А. Русская проза 1950-х – начала 2000-х годов : от мировоззрения к поэтике : учебное пособие / А. А. Дырдин, Д. В. Рыкова. – Ульяновск, 2005. – С. 112.
 14. Петрушевская Л. Маленькая волшебница / Л. Петрушевская // Октябрь. – 1996. – № 1. – С. 3–62.
 15. Петрушевская Л. Город света [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская // Октябрь. – 2003. – № 4. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/october/2003/4/petr.html>.

Список использованных источников

1. Боссарт А. Петрушевская. Сказки с хорошим концом [Электронный ресурс] / А. Боссарт // Новая газета. – 27.04.2007. – № 15 (25). – Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color15/09.html>.
2. Генис А. Чудеса в решете : "Гарри Поттер" для взрослых [Электронный ресурс] / А. Генис // Иностранная литература. – 2006. – № 1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/1/ge10.html>.
3. Дырдин А. Русская проза 1950-х – начала 2000-х годов : от мировоззрения к поэтике : учебное пособие / А. А. Дырдин, Д. В. Рыкова. – Ульяновск, 2005.
4. Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 2006. – № 11. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/iv1.html>.
5. Лебедушкина О. Шехерезада жива, пока... О новых сказочниках и сказках [Электронный ресурс] / О. Лебедушкина // Дружба Народов. – 2007. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html>.
6. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения [Электронный ресурс] / Д. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. С. 74–87. – Режим доступа : http://www.psujournal.narod.ru/lib/lih_inworld.htm.
7. Петрушевская Л. Сказки для взрослых / Л. Петрушевская // Юность. – 1990. – № 1.
8. Петрушевская Л. Сказки для всей семьи / Л. Петрушевская // Октябрь. – 1993. – № 1.
9. Петрушевская Л. Ну, мама, ну : сказки, рассказанные детям / Л. Петрушевская // Новый мир. – 1993. – № 8.
10. Петрушевская Л. Маленькая волшебница / Л. Петрушевская // Октябрь. – 1996. – № 1. – С. 3–62.
11. Петрушевская Л. Дикие животные сказки / Л. Петрушевская // Столица. – 1993–1994.

12. Петрушевская Л. Собрание сочинений : в 5 т. / Л. Петрушевская. – Харьков ; Москва, 1996.
13. Петрушевская Л. Город света [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская // Октябрь. – 2003. – № 4. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/october/2003/4/petr.html>.
14. Померанцева Э. Судьбы русской сказки / Э. Померанцева. – Москва, 1965.
15. Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп. – Москва, 1969.
16. Hubicka I. Proza Ludmiły Pietruszewskiej lat 1985–1995. Z zagadnień poetyki / I. Hubicka. – Kielce, 2003.
17. Waszkielewicz H. Чернушная и прекрасная : twórczość Ludmiły Pietruszewskiej / H. Waszkielewicz. – Kraków, 2007.

Аннотация

Предметом анализа в настоящей статье являются городские топосы, выступающие в сказках Л. Петрушевской. Сказки писательницы – разнообразны и по содержанию, и разновидности жанра, но их объединяет наличие городских мотивов: город с его структурой образует художественное пространство для сказочных событий. Сопоставляя ряд произведений, можно выделить доминирующие топосы: город, квартира, улица, больница, комната. Поэтому сказочные тексты Петрушевской можно причислить к жанру т.н. “городских сказок”.

Ключевые слова: сказка, топос, город.

Анотація

У статті предметом аналізу є міські топоси, які наявні у казках Л. Петрушевської. Казки письменниці – різноманітні і за змістом, і за різновидами жанру, але їх об'єднує наявність міських мотивів: місто з його структурою утворює художній простір для казкових подій. Зіставляючи ряд творів, можна виділити домінуючі топоси: місто, квартира, вулиця, лікарня, кімната. Тому казкові тексти Петрушевської можна зарахувати до жанру т.зв. “міських казок”.

Ключові слова: казка, топос, місто.

Summary

The city as topos and background is a stock feature of L. Petrushevskaya's stories and fairy tales. The images of the city, lodgings, flats, rooms, hospitals or streets can be found in almost each Petrushevskaya's tale, that's why they are often defined as “city tales”. The background for her fairy plots make contemporary urban landscape with all its attributes like: city transport, shops, houses, streets etc.

Keywords: fairytale, topos, city.

ТЕКСТ МІСТА В ЛІРИЧНОМУ ТВОРІ

УДК 821.161.2–1

Борзенко О.І.,
доктор філологічних наук,
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

МІСЬКІ ПРОЕКЦІЇ В РАННІЙ ЛІРИЦІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Дослідження особливостей зображення міського простору в ранній ліриці Лесі Українки сприятиме більш повному осмисленню творчої еволюції видатної письменниці. Досі це питання не було предметом спеціального розгляду: учені